

ЧЕЛОВЕК ШЕЛ

по обочине дороги с маленьким чемоданом в руке, защищаясь воротником плаща от нежданных дождей. Когда машина попавшаяся с ним, шофер притормозил, открыл дверцу, спросил:

— Далече?

— В Петровку.

— Садись.

Пока человек подходил к машине, Бурдыко, председатель Сельского исполкома, недовольно заметил:

— Эри ты Иван, подбираешь, время теряем.

Шофер молча проследил, как человек, обремененный бурой грязью попутчик уместился на заднем сиденье, тронул машину. Николай Белозерев, так звали нового попутчика, довольно ухмылялся:

— Хорошо-то как, что вы попались. А у меня завтра практика начинается, а да мама заждались, глаза проглядела...

— Подвуды бы ждал, — сухо бросил Бурдыко, не поворачивая головы.

ответственность за уборку урожая. Вот и повалал.

Стихия — это большое бедствие для нас... — орать врозь ни к чему проговорил Бурдыко. — А на этом бедствии и строят погоду некоторые. Вроде деятельные, шумят, выговора записывают, а суть прачуть и не сразу до нее доберешься...

Покряхтев, он резко оглянулся на заднее сиденье, полоснул Николая, недобрим взглядом.

И ты вот намеркнул сразу «не без добрых людей...» — А много встречал их? Другой настрочит бумагу, выводы сделает, и улетит чистеньким. А таким вот доверяют!

Иван Сергеевич раскрыл дверцу, выбросил окуроч, взглянул на сиделок:

— Прибавь, не молоко везешь! — Вот именно, — усмехнулся шофер.

— А другой, — продолжал свою мысль Иван Сергеевич, закуривая снова, а другой все делает, из кожи лезет, — а не хороши. К нему идут, для всех доб-

Субботний номер

протянул руку Бурдыко, потом, словно нехотя, Белозереву.

— Силоусем? — спросил Иван Сергеевич.

— А как же?

— Слышал, плохо...

— Непогода. Мы же хотели по-раньше...

— Видишь ли, Дмитрий Савватеевич, зряй бы мы, что ты пророк, тогда другое дело. Вечером говорить будем. Выход искать. От жары отрываться нельзя. Вот так. Бурдыко сел на стул, расстегнул пиджачик на костюме.

— Никак не можете без толкачей...

«Около двух часов длилось заседание. Все, кто выступал, сваливали вину на «стихию», на неурядицы. Часто ломаются комбайны, нет шепей к ним, не хватает людей, мало заготовили кормов.

— Силосовать как есть. Небось затрясено не получится. Не первый год, говорю. Сел, передохнул и уже опять был готов ринуться в спор, если кто скажет не по его.

— У нас в институте, в учхозе, в дождь слесуют при помощи транспортеров, — вдруг послышался голос Коли Белозерова. Сказав, он вмиг покраснел и стал оглядываться, словно следил, какое впечатление, произвел своими словами.

«Ишь, туда же лезет, — в теоретике. Как есть сосунок. Высокка», — нахмурился Бурдыко и едва сдержался, чтобы не оборвать, как он считал, «неиспеченного специалиста».

— Расходи. Хоть что говори... — опять было забушевал Протопопов. Но его оборвал председа-

тель.

— Не кипятись, Андрей Михайлович. Криком делу не поможешь. Я предлагаю членам правления следующее: людей выделить для чистки колес нужно. Три транспортера у нас есть... Николай дело говорит. Поручим Симанкову заняться. Получится — применим. Вы как, Иван Сергеевич, не возражаете? — обратился председатель к Бурдыко и улыбнулся одними обожженными ветром губами.

— Собственно, нет... Дождь не унимается. — Бурдыко кивком указал на окно. На стеклах скапливались потоки и, собравшись в грушевидные капли, срывались вниз, обгоняя друг друга. Край сизой тучи над маленьким просветом, вечернего неба резко выделился и был неестественно мрачен.

Бурдыко все так же сидел молча. Ему не хотелось вмешиваться в разговор. Он знал, если вступит в пререкания, не выдержит, наконец, станет обвинять всех подряд. Он с трудом удерживал свое раздражение.

«Дело здесь, собственно, агронома, — думал он, — А ей будто в рот свинца налил. И вспнулю же ей завтра за пассивность. А глаза, как омут речной, взглядишь — утонешь весь без остатка Ишь, синевой как плеснула...»

Вечер поздний, сыплетный. Звезд не видно. Люди вышли из конторы и на крыльце, под навесом, затеплились испещрились паниос. Оживленный разговор продолжался, но с более крепкими выражениями; по поводу погоды, бога и других неурядиц. Когда рассохлились, под ногами хлопала грязь. Продолжал цедить нудный дождь.

Иван Сергеевич отказался от приглашения пойти попить чай к Кузиному и шагнул с крыльца в темноту. Он пошел к тетке Марфе, у которой выделена комната для приезжих в три койки.

В углу пень-голландка. Крохотный, расшатанный столик, залитый чернилами.

Бурдыко сел на кровать. Под ним вискулатка сетка. Он с трудом стал отщипывать сапоги, поставил их у порога. Потрянки повесил на вешалку. Спать не хотелось. На соседней койке, укрывшись с головой, храпел шофер. Ему оставалось только пошевеливать.

Из своей комнаты вышла низенькая, с землитным лицом, Марфа. В тонком ситевом платье, в перелюбке, она походила на полярника. Лишь обильные седина да морщинистое, сухонькое лицо говорили о прожитых нелегких годах.

— У меня сын приехал, — не скрывая радости, низко пропела она. В подарок шаль привез. Зимой теперь заблудится мне не знать Вам, Иван Сергеевич, готовить что?

— Нет, спасибо...

А когда Марфа ушла; следом появился Николай Белозерев. Без плаща, в широкой клетчатой рубашке, он сейчас казался домашним и по-сибирски добродушным.

П. ШМАКОВ.

Окончание в следующем номере.

РАЗДРАЖЕНИЕ

РАССКАЗ

— Э, ждуть! — Николай засмеялся и, поймав в круглом зеркальце теплый взгляд шофера, подмигнул. — Мир не без добрых людей...

Дорога становилась все хуже и хуже. Даже на небольших подъемах машина взвизывала и пробуксовывала. Бурдыко усиленно думал в лобовое стекло и поглядывал на дорогу. Настроение у него было испорчено утром. Завоили из обласполкома. Воробьев... «Поскольку тебе уборочной занимаешься, уважаемый (ох, уж это воробьевское «уважаемый!»), так подтягивай свои отгашенные узлы. Не впарюком комиссия нагрянет... Вот так, уважаемый!».

Раньше Воробьев был заместителем заведующего сельхозотделом в обкоме, а теперь вот в обласполкоме. И опять Бурдыко у него в подчинении. «Знать дело, так не критикуй бы на плечу обкома. Воробьев не из таких, чтобы не отплатить сторицей», — продолжал постоянно: «Вот так, уважаемый!» Кажется, уважительно к тебе относились, мягко на слух говорит, а попробуй, не выполни какую инструкцию, им подписанную... Подведет такую ораску, что и билет выложит...»

Вроде и с култом управился, — продолжал недовольно размышлять Бурдыко, — а вот отгриски живы и действуют. Может, я перегибаю о нем? Нет! Помню, когда лавфуханую уборку вводили. Эх, прописал о мне! Прописал... А за что? Что спелый хлеб в районе убирали напрямичу?

На бюро снаел, чертил кружочки в блокноте, а потом навалился, свое сделал — и опять кружочки в блокноте... Такой сто лет проживет — отключаться может...

Иван Сергеевич вздохнул, пожегся. На душе пасмурно, как и за стеклом машины.

Все лето прошло в напряжении. Когда зерновые должны были куститься — не хватало влаги. Погорели хлеба, травы и кукуруза... Уборка подоспела — дожди хлынули.

— В таком непогодю доброй хозяин собаку не выгонит во двор... — сказал Бурдыко ни к кому не обращаясь.

В Петровку по жалобе собрался позднее, но, в довершение к «любоевскому «уважаемый», позвонили из парткома и сказало, что как член бюро, он несет

ро делает. Для себя же ничего. Человек живет, как партия велит... Ни мешанских замашек, ни бюрократического уклона, ни квартиры порядочной. Даже семьи не имеет...

Иван Сергеевич затрянулся густым дымом, дохнул в лобовое стекло. — Стал следить, как дым расплылся и потек в щели дверки.

Семь лет как он руководит районом. Приехал сюда из соседнего, где поначалу работал секретарем исполкома. Отпа у Бурдыко еще в тридцать восьмом забрали да так и не вернули. Мать умерла в Отечественную. Учиться пошел поздно, но всегда считался одним из лучших учеников. На приеме был и в институте.

Машина вдруг осела. Мотор зачухал и заглох. Вылезли и стали носить сучья, палки и подсовывать под колеса. Копади под диффером. Когда газик, наконец, выбрался из канавы, Бурдыко внимательно посмотрел на заделенного грязью паренька:

— Курсы?

— Нет.

— Студент?

— Ага.

— Пошли в машину. Скоро доберемся. — Бурдыко крупно зашагал к машине, не оглядываясь.

За ним поспешил Белозерев, думая: «Ох и сухарь, выдуть этот председатель. Так и разит от него бюрократией».

Петровка — село старинное. За сотню лет, далеко в глубину, уходя предания о человеке, обещающем с серебряных рудников Салаира. До сих пор в клубе висят ражвие, разбитые кандалы.

Старики, каких уже мало на селе, рассказывают, что они принадлежат тому, первому, кто сбегал от царской тягости да срубил из толстенных лиственничных ибур. Место глухое, возле небольшой речки. Сейчас тайга заледенела отступила. Только основной бор за окривной остался и хранит легенды о прошлом...

Улочки в Петровке узкие, без палисадников. Контора правления находится в новом рубленом доме посереде села. Здесь и остановилась машина. Огурив дверку, Бурдыко встал на блестящую от дождя землю твердо и уверенно. Сдвинул к переноску глубокие морщины, сжал плотно рот и зашагал к конторе.

Председатель колхоза Дмитрий Савватеевич Кузин, встретил приезжих без всякого энтузиазма. Он



ОП 13317

Типография «Белва»

Тираж 5110